

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

THE GENOESE GAZARIA
AND THE GOLDEN HORDE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

Том 2

Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова

*Под редакцией
С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова*

Казань — Кишинев

2019

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV,
TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES
HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE GENOESE GAZARIA *and* THE GOLDEN HORDE

Volume 2

In memory of German Fyodorov-Davydov

*Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov*

Kazan — Kishinev

2019

Printed by decision of the Academic Council
of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov,
Tatarstan Academy of Sciences

Edited by:
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Reviewed by:
Doctor of Historical Sciences **Ildus K. Zagidullin**,
Head of the Sector of Modern History,
Institute of History named after Sh. Mardjani,
Tatarstan Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor **Anatoliy R. Kantorovich**,
Head of the Chair of Archaeology,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Doctor of Historical Sciences **Vadim V. Trepavlov**,
Head of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations,
leading research fellow of the Institute for the Russian History,
Russian Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences **Rustam M. Shukurov**,
Associate Professor of the Chair of Medieval History,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Памяти
Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова
(1931—2000)

In memory of
German Fyodorov-Davydov
(1931—2000)

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов (Казань, Россия). Предисловие	15
--	-----------

СИБИРЬ, ЗАБАЙКАЛЬЕ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Н. Г. Артемьева (Владивосток, Россия). Архитектура жилых дворцовых сооружений Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся.	21
Е. И. Гельман (Владивосток, Россия). Очерки истории селадонов	33
О. В. Дьякова (Владивосток, Россия). Позднесредневековые памятники Приморья.	53
А. В. Харинский (Иркутск, Россия), М. П. Рыкун (Томск, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), Н. Н. Крадин (Владивосток, Россия). Монгольский могильник середины XIII — начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты.	69
Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева (Владивосток, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), С. Д. Прокопец (Владивосток, Россия), А. В. Харинский (Иркутск, Россия). Раскопки Хирхириногорского городища в Юго-Восточном Забайкалье	107
П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка (Красноярск, Россия). Наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в развитом средневековье	131
С. Г. Скобелев, А. В. Выборнов (Новосибирск, Россия). Средний Енисей в монгольское время	145
И. Л. Кызласов (Москва, Россия). Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики	157
Д. К. Тулуш (Кызыл, Россия). Древнемонгольские города Тувы: обзор современного состояния	179
А. А. Тишкин (Барнаул, Россия). Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации	185
С. Ф. Татауров (Омск, Россия). Город Тара и его роль в судьбе сибирских татар в XVII веке	199

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В. А. Кольченко (<i>Бишкек, Кыргызстан</i>). Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года)	209
А. А. Бисембаев (<i>Актобе, Казахстан</i>). Западный Казахстан в XIII—XIV вв. Историко-географическая ситуация	223
М. Д. Калменов, А. Е. Бижанова (<i>Уральск, Казахстан</i>). Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана .	237
Э. Д. Зиливинская (<i>Москва, Россия</i>). Новые исследования на золотоордынских поселениях Западного Казахстана.	263

СРЕДНЯЯ ВОЛГА

Е. Е. Воробьева (<i>Казань, Россия</i>), М. И. Федулов (<i>Чебоксары, Россия</i>). К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье	289
Д. Ю. Бадеев (<i>Москва, Россия</i>). Усадьбы золотоордынского Болгара. . . .	297
В. Ю. Коваль (<i>Москва, Россия</i>). Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы.	307
К. А. Руденко (<i>Казань, Россия</i>). Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам)	325
С. И. Валиулина (<i>Казань, Россия</i>). Золотоордынский Биляр.	379
Д. А. Сташенков (<i>Самара, Россия</i>). Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды	413
А. М. Гайнутдинов, А. Г. Ситдинов, А. С. Старков (<i>Казань, Россия</i>). Арабиграфичные надписные камни из раскопок Казанского кремля 2000-х гг.	433

НИЖНЯЯ ВОЛГА

Д. А. Кубанкин (<i>Саратов, Россия</i>). Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища	443
Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов (<i>Казань, Россия</i>). Особенности топографии и застройки Багаевского селища	463
Е. М. Пигарёв (<i>Казань, Россия</i>). Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р. Волга)	483
М. В. Цыбин, Н. М. Савицкий (<i>Воронеж, Россия</i>). Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области.	509

З.В. Доде (Ростов-на-Дону, Россия). Ртутный странник: об исследовании одного средневекового погребения	521
И.Ю. Лапшина (Волгоград, Россия). Проблема правления Тинибека . . .	547

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КРЫМ

Л.В. Яворская (Москва, Россия). Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор	553
В.А. Бабенко (Ставрополь, Россия). Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье . .	569
Ю.В. Зеленский (Краснодар, Россия). Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья	585
Л.М. Носкова (Москва, Россия). Адыгская керамика из археологических памятников XIII—XV веков в фондах Государственного музея Востока . .	589
А.В. Дмитриев (Новороссийск, Россия), Е.И. Нарожный (Армавир, Россия). Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо- Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)	599
А.Н. Масловский (Азов, Россия). Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку . .	641
А.П. Минаев, Н.И. Юдин (Азов, Россия). Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо- Восточного Приазовья	657
Э.Е. Кравченко (Донецк, Украина). Средневековые поселения на территории Донецких степей	669
В.П. Кирилко (Симферополь, Крым). Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э.Д. Зиливинской	691
С.Г. Бочаров (Казань, Россия). Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275—1475 гг.)	741
С.В. Дьячков (Харьков, Украина). Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999—2008 гг.)	771
Л. Бакуменко-Пырнэу, Л. Беженару, С. Рафаилэ-Станк (Яссы, Румыния). Пищевые ресурсы животного происхождения в золотоордынский период на примере Старого Орхей (Республика Молдова)	791
Список сокращений.	804

CONTENTS

S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Foreword	15
---	-----------

SIBERIA, TRANSBAIKALIA AND THE FAR EAST

N. G. Artemieva (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). Architecture of Palatial Residential Premises in the Upper Capital City of the Jurchen State — the Eastern Xia	21
E. I. Gelman (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). Essays on the History of Celadons	33
O. V. Dyakova (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). Late Medieval Archaeological Sites of Primorye	53
A. V. Kharinsky (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>), M. P. Rykun (<i>Tomsk, Russian Federation</i>), E. V. Kovychev (<i>Chita, Russian Federation</i>), N. N. Kradin (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>). The Mongol Cemetery of the Mid-13th — Early 15th Centuries Okoshki 1 in the South-Eastern Transbaikalia: constructive and anthropological aspects	69
N. N. Kradin, S. E. Baksheeva (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>), E. V. Kovychev (<i>Chita, Russian Federation</i>), S. D. Prokopets (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>), A. V. Kharinsky (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>). Excavations of Khirkhira Town in South-Eastern Transbaikalia	107
P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Arrowheads of the Lower Angara Region Population in the High Middle Ages	131
S. G. Skobelev, A. V. Vybornov (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). Middle Yenisei Region in the Mongol Time	145
I. L. Kyzlasov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Archaeological Signs of State Land Surveying. Methodological Value of the South Siberian Medieval Archaeology	157
D. K. Tulush (<i>Kyzyl, Russian Federation</i>). Towns of the Early Mongol Time in Tuva: overview of the current state	179
A. A. Tishkin (<i>Barnaul, Russian Federation</i>). Archaeological Sites of Mongol Time in the South of Western Siberia and Altai: research results and interpretation experience	185
S. F. Tataurov (<i>Omsk, Russian Federation</i>). The Town of Tara and its Role in the Fate of the Siberian Tatars in the 17th Century	199

CENTRAL ASIA

- V.A. Kolchenko** (*Bishkek, Kyrgyzstan*). **Christian Cemetery of Mongol Time at Burana Town: according to archival documents on excavations in 1886.** . . . 209
- A.A. Bissembayev** (*Aktobe, Kazakhstan*). **Western Kazakhstan in 13th—14th Centuries. Historical and Geographical Situation** 223
- M. D. Kalmenov, A. E. Bizhanova** (*Uralsk, Kazakhstan*). **Topography and Chronology of Medieval Settlements in Western Regions of Kazakhstan** . . . 237
- E. D. Zilivinskaya** (*Moscow, Russian Federation*). **New Research in the Golden Horde Settlements of Western Kazakhstan.** 263

MIDDLE VOLGA

- E. E. Vorobeva** (*Kazan, Russian Federation*), **M. I. Fedulov** (*Cheboksary, Russian Federation*). **To the Question about the Russia-Golden Horde Borderlands in Mari-Chuvash Area of the Volga Region** 289
- D. Yu. Badeev** (*Moscow, Russian Federation*). **Homesteads of the Golden Horde Bolgar** 297
- V. Yu. Koval** (*Moscow, Russian Federation*). **Fortification of Bolgar Town in the 14th Century: the current state of the problem** 307
- K. A. Rudenko** (*Kazan, Russian Federation*). **Ethnogeography of the Bulgar Region of the Golden Horde by Archaeological Sources.** 325
- S. I. Valiulina** (*Kazan, Russian Federation*). **The Golden Horde Bilyar** 379
- D. A. Stashenkov** (*Samara, Russian Federation*). **Kuzkino Mordovian Burial Ground of the Late 13th—14th Centuries: toward the history of the population of the right bank of the Samara Volga region in the Golden Horde era** 413
- A. M. Gaynutdinov, A. G. Sitdikov, A. S. Starkov** (*Kazan, Russian Federation*). **Stones with Arabic Inscriptions from the Excavations in Kazan Kremlin in 2000s** 433

LOWER VOLGA

- D. A. Kubankin** (*Saratov, Russian Federation*). **Religious and Ethnic Compositions of the Ukek Population. To the issue of the ethnic-confessional topography of the town.** 443
- L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov** (*Kazan, Russian Federation*). **Characteristics of the Topography and Development of Bagaevka Rural Settlement** 463
- E. M. Pigarev** (*Kazan, Russian Federation*). **The Administrative-Territorial Structure of the Capital Sarai Region (Delta of the Volga River).** 483
- M. V. Tsybin, N. M. Savitskiy** (*Voronezh, Russian Federation*). **The Complex of the Golden Horde Sites near Krasnyi Village, Bobrov District, Voronezh Oblast** 509

Z. V. Dode (<i>Rostov-on-Don, Russian Federation</i>). Mercury Wanderer: a study of a medieval burial	521
I. Yu. Lapshina (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). The Problem of Tinibek's Reign.	547

THE NORTHERN CAUCASUS, NORTH BLACK SEA REGION AND THE CRIMEA

L. V. Yavorskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Concentrations of Animal Bones in the Cities of the Golden Horde: main finds, species, anatomical set . .	553
V.A. Babenko (<i>Stavropol, Russian Federation</i>). Localization of Finds from the Gashun-Usta Stow (Stavropol Governorate, 1890) and the Delimitation of the Golden Horde Possessions in the Central Ciscaucasia	569
Yu. V. Zelenskiy (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Finds of Polovtsian Stone Sculptures as a Source for the Study of Geography of Polovtsian Nomadic Camps in the Kuban Steppe	585
L. M. Noskova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Adygean Pottery from the Archaeological Sites of the 13th—15th Centuries AD from the Collections of the State Museum of Oriental Art	589
A. V. Dmitriev (<i>Novorossiysk, Russian Federation</i>), E. I. Narozhniy (<i>Armavir, Russian Federation</i>). Two Burials of Nomadic Warriors of the 13th—14th Centuries from the North-Eastern Black Sea Region (to the history of the formation of the complex of weapons of the Golden Horde)	599
A. N. Maslovskiy (<i>Azov, Russian Federation</i>). The Topography of Necropolises in the Golden Horde Azak, and their Impact on the Urban Planning	641
A. P. Minaev, N. I. Iudin (<i>Azov, Russian Federation</i>). New Data on the Historical Geography of the Golden Horde Settlements of the Lower Don and the North-Eastern Azov Sea Region	657
E. E. Kravchenko (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Medieval Settlements on the Territory of Donetsk Steppes	669
V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Cult Architecture of the Crimea in the Golden Horde Epoch: E. D. Zilivinskaya's Version	691
S. G. Bocharov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Historical Geography of the Crimean Territories of the Genoese Gazaria (1275—1475)	741
S. V. Dyachkov (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). The Consul's Residence of Genoese Fortress Chembalo of 14th—15th Centuries (by archaeological excavations in 1999—2008)	771
L. Bacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, S. Rafailă-Stanc (<i>Iași, Romania</i>). Animal Food Resources in the Golden Horde Period. Case Study: Old Orhei (Republic of Moldova)	791
Abbreviations	804

В. Ю. Коваль

Vladimir Koval. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Коваль Владимир Юрьевич. Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: kovaloka@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы

Keywords: Middle Volga region, Bolgar town, rampart, moat, wooden walls, towers, city defense strategy

Ключевые слова: Среднее Поволжье, город Болгар, вал, ров, деревянные стены, башни, стратегия обороны города

V. Yu. Koval

Fortification of Bolgar Town in the 14th Century: the current state of the problem

The article reviews published materials and hypotheses concerning the fortification of Bolgar town in the 14th century, in the era of its heyday and reaching the maximum area. The hypotheses were verified based on the data obtained during excavations in 2014—2015. It is shown that the archaeological realities documented in the excavation reports do not match with O. Khovanskaya and Yu. Krasnov's hypotheses on a buttress wall (or a cellular wall, 'tarasa') placed on the crest of the rampart and existence of pillar-based towers. In reality, during the excavations of 1946, 1953 and 1967, only irregular traces of pillar pits of different depths were discovered. Such traces could be left by a light fence supported by some separate pillars. Pillar-based towers in the Russian medieval fortifications are not known, because they would represent very fragile structures, vulnerable to stone-hurling artillery. It was suggested that the found pillar pits could be traces of some household structures of a Russian village dated by 17th—20th centuries. Defensive structures on the top of the rampart could consist of a light wooden fence without any towers. Some attempts are made to explain the difference between the Russian and Bolgar urban defense strategies. While the Russian strategy was based on use of vertical barriers (wood-earth walls), the Bolgar strategy was based on the construction of ramparts to prevent cavalry attacks on the town. Such ramparts were defended by cavalry detachments moving inside the town walls.

В. Ю. Коваль

Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы

В статье рассматриваются опубликованные материалы и гипотезы, касающиеся фортификации города Болгара в XIV в., т.е. в эпоху его расцвета и достижения максимальной площади. Верификация гипотез проведена на базе данных, полученных в ходе раскопок 2014—2015 гг. Показано, что археологические реалии, зафиксированные в отчетах о раскопках, не соответствуют гипотезам О. С. Хованской и Ю. А. Краснова о размещении на гребне вала стены столбовой конструкции (или стены из «тарас») и существовании башен столбовой конструкции. В реальности при раскопках 1946, 1953 и 1967 гг. были выявлены лишь нерегулярные следы столбовых ям различной глубины заложения. Такие следы могли остаться от легкой ограды, опиравшейся на отдельные столбы. Башни столбовой конструкции в русской средневековой фортификации не известны, т.к. представляли бы собой очень непрочные сооружения, не способные противостоять камнеметной артиллерии. Высказано предположение, что обнаруженные столбовые ямки принадлежали хозяйственным сооружениям русской деревни XVII—XX вв. Оборонительные сооружения на вершине вала могли состоять из легкой деревянной ограды без всяких башен. Высказаны предположения о причинах различия русской и болгарской стратегий обороны городов. Если русская стратегия базировалась на использовании вертикальных преград (древко-земляных стен), то болгарская — на сооружении валов, препятствовавших конной атаке на город. Оборона таких валов осуществлялась благодаря перемещению внутри города отрядов конных воинов.

Фортификация города Болгара — чрезвычайно важная проблема его истории, которая уже привлекала внимание исследователей, но так и осталась неразрешенной. Наиболее полный по хронологическому охвату материала труд принадлежит перу О. С. Хованской (1958), пытавшейся рассматривать оборону Болгара и происходившие в ней су-

щественные изменения, начиная с основания города в IX в. и вплоть до его гибели в XV в. К сожалению, в руках автора было слишком мало достоверных сведений, поэтому большинство полученных выводов носило характер догадок и произвольных реконструкций, мало связанных с конкретным археологическим материалом. В дальнейшем той же

самой проблематике была посвящена статья Ю. А. Краснова (1987), в которой в целом повторялись построения О. С. Хованской. Обращался к фортификации Болгарского городища и А. М. Губайдуллин (1998; 2002; 2015), который, полностью следуя выводам своих предшественников, разрабатывал реконструкции гипотетического внешнего вида оборонительных сооружений, но, к сожалению, также без связи с конкретным археологическим материалом (поскольку им использовались не данные отчетов, а умозрительные реконструкции О. С. Хованской и Ю. А. Краснова). Проведенные в 2014—2015 гг. экспедицией Института археологии АН Татарстана и Института археологии РАН исследования вала Болгарского городища¹ позволяют полностью пересмотреть выводы, предлагавшиеся названными выше исследователями. Результаты новейших исследований требуют обстоятельной публикации (которая находится в стадии подготовки), но некоторые предварительные наблюдения и выводы по ним уже были высказаны (Коваль, Русаков 2016: 118—120). Тем не менее, представления предшествующих исследователей требуют специального разбора (речь идет, прежде всего, о работах О. С. Хованской и Ю. А. Краснова), поскольку именно на них строились все последующие реконструкции, довлеющие над сознанием современных ученых, обращающихся к этой теме. Надо специально подчеркнуть, что в данной работе рассматривается только фортификация XIV века, но не более ранние сооружения, требующие отдельного подробного изучения с привлечением новых раскопочных данных.

Остатки фортификации XIV века неплохо сохранились до настоящего времени и представляют собой выраженные в рельефе вал и ров, окружающие всю территорию Болгарского городища площадью более 3 га. У всех исследователей Болгара никогда не было сомнений в том, что эта линия обороны являлась наиболее поздней в истории города, дискутировалась лишь дата ее возведения в рамках XIV в. Все прочие фортификационные сооружения Болгара, относившиеся к домонгольской эпохе, которые еще можно было видеть в начале XX в. (они зафиксированы на ряде фото того времени), до настоящего времени не сохранились в рельефе (например, так называемый «Замошный вал», маркировавший границу города в конце XII —

начале XIII в.), и их остатки обнаруживаются только в ходе археологических раскопок (Краснов 1987: 101—108, рис. 10; 11; Баранов, Губайдуллин 2016: 193—198). К сожалению, от этих фортификаций сохранились в основном рвы, а от валов в лучшем случае остались подошвенные части, по которым трудно понять конструкцию сооружений и определить, являлись ли эти валы насыпями или руинами древо-земляных стен. Зная объем грунта, вынутый из рвов², можно составить представление о приблизительных размерах вала накануне уничтожения этих сооружений. Но этих данных недостаточно для научной реконструкции фортификационных систем, поскольку по ним невозможно установить высоту вала, крутизну склонов и понять, какая именно конструкция возводилась с использованием вынутой из рва земли — насыпь или деревянная стена с земляным заполнением.

Сохранившиеся до наших дней вал и ров Болгарского городища прослеживаются на протяжении 5,6 км (Краснов 1987: 109) (рис. 1), причем в некоторых местах сохранность этих сооружений может расцениваться как очень хорошая. В то же время, значительные отрезки вала (особенно в восточной части периметра) сильно повреждены из-за оплывания или искусственной подрезки насыпей (рис. 2). Все воротные проемы в настоящее время испорчены строительством бутафорских бревенчатых башен (рис. 3), которые якобы оформляли в прошлом эти проходы. Правда, на некоторых воротных проемах проводил раскопки еще А. П. Смирнов (Хованская 1958: рис. 7; Краснов 1987: рис. 12), однако подлинная документация этих раскопок не сохранилась, да и объем работ был крайне незначительным, фактически это была шурфовка. Таким образом, ни один из воротных проемов в валу Болгарского городища не был полностью и с соответствующим качеством исследован. Причем, нет надежды на то, что данные об устройстве этих проемов удастся получить в будущем, поскольку все пункты, где размещались проходы в валах, безнадежно испорчены строительством бутафорских сооружений и прокладкой асфальтированных дорог. Особенно сильные повреждения получили южные ворота, где, помимо возведения башен, по гребню вала поставлен частокол (рис. 3: 2), уничтоживший все следы сооружений, которые могли там еще оставаться. Кроме того, во многих местах вал в разное вре-

¹ Работы П. Е. Русакова в отряде под руководством В. Ю. Ковалю, действовавшего в составе Болгарской экспедиции, начальник — А. Г. Ситдинов.

² Он легко определяется по площади поперечного сечения рва.

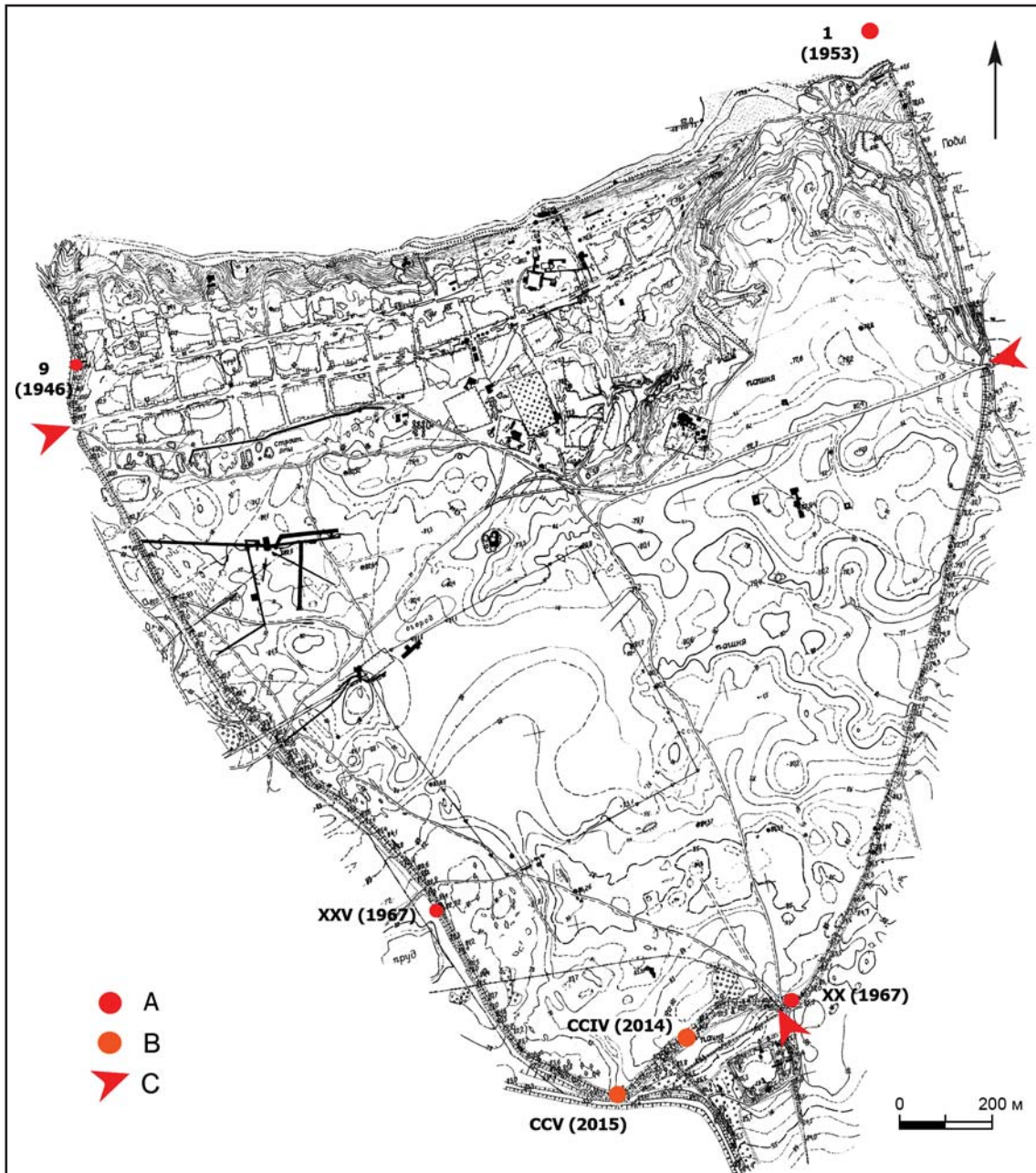

Рис. 1. Схема Болгарского городища с указанием мест проведения раскопок на валу (цифрами обозначены номера раскопок и годы работ): А — места проведения работ в 1946—1967 гг.; В — места раскопок 2014—2015 гг. Института археологии РАН; С — местоположение воротных проемов в валу (западного, южного и восточного).

Fig. 1. Scheme of the ress Bolgar with an indication of the excavation sitess on the rampart (numbers indicate the dig number and the years of work): А — places of work in 1946—1967, В — excavation site of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in 2014—2015, С — location of portal openings in the rampart (western, southern and eastern).

мя был прорезан для создания проходов и дорог, которые сейчас выглядят уже похожими на древние воротные проемы (рис. 4).

До 2014 г. исследователи вала Болгарского городища обладали крайне ограниченным кругом источников, которые позволяли бы делать выводы о его конструкции. Главными такими источниками являлись отчетные материалы о прорезке вала, проведенной

в 1946 г. в северо-западной части городища (раскопки А.П. Смирнова, начальник раскопа О.С. Хованская), и частичных расчистках гребня вала, проводившихся О.С. Хованской в 1953 г. (в северо-восточном углу городища) и Ю.А. Красновым в 1967 г. (в южной части периметра валов). При работах 1953 и 1967 гг. ни одного полного разреза валов сделано не было, во всяком случае, среди

Рис. 2. Валы Болгарского городища со следами существенной нивелировки в результате хозяйственной деятельности: 1 — в восточной части периметра валов; 2 — в западной части периметра. Вид с юга.

Fig. 2. Ramparts of the Bolgar's fortress with traces of significant leveling as a result of household activity: 1 — in the eastern part of the perimeter of the ramparts; 2 — in the western part of the perimeter. View from the south.

отчетных материалов, хранящихся в Институте археологии РАН (Москва) и Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, документация таких разрезов отсутствует. Таким образом, от всех предыдущих работ по изучению позднесредневековой фортификации Болгара сохранился только один разрез вала 1946 года (Краснов 1987: рис. 13) и 5 планов поверхности гребней насыпей на раскопах №9 (1946 г.) (Краснов 1987: рис. 13), №1 и 1а (1953 г.), XX и XXV (1967 г.). Из них 2 плана (1953 года)

сохранились только в публикации О.С. Хованской (1958: рис. 4; 5), а из раскопок 1967 г. опубликован только план раскопа XX (Краснов 1987: рис. 14). План раскопа XXV никогда ранее не публиковался и приводится здесь впервые (рис. 5).

На единственном имеющемся профиле разреза вала и рва (1946 г.) в отчетной документации и публикации (Краснов 1987: рис. 13) была представлена крайне схематичная картина, лишенная каких бы то ни было деталей, согласно которой вал состоял

1

2

Рис. 3. Башни, выстроенные в воротных проемах в 2000-е гг.: 1 — на Западных воротах (вид с запада); 2 — на южных воротах (вид с юга).

Fig. 3. Towers, built in the portal openings in 2000s: 1 — on the western gate (view from the west); 2 — on the southern gate (view from the south).

из 2 насыпных горизонтов — нижнего супесчаного и верхнего суглинисто-супесчаного, оба горизонта в поперечном разрезе имели сегментовидные очертания (рис. 6). Следует добавить, что план раскопа снимался только на уровне поверхности насыпи (после удаления дерна). Многие детали разреза 1946 г. вызывают недоумение: например, каким об-

разом погребенная почва под валом перекрывала слой золотоордынского времени? Скорее всего, здесь кроется какая-то ошибка фиксации, потому что почва предшествовала формированию слоя, а не образовалась на нем (для этого потребовалось бы несколько десятилетий запустения городища). Возможно, прослойка, названная «погребенной почвой»,

1

2

Рис. 4. Проходы в валах, сделанные в современную эпоху: 1 — в восточной части городища; 2 — в южной части городища.

Fig. 4. Passages in the ramparts made in the modern epoch: 1 — in the eastern part of the fortress; 2 — in the southern part of the fortress.

в действительности не имела отношения к почве, но тогда остается неясным, что же это такое и почему она была выделена раскопщиками и столь экзотично интерпретирована.

Для понимания структуры насыпи важно сохранившееся описание нижнего и верхнего

горизонтов. Нижний горизонт О. С. Хованская характеризовала как «серую супесь и песок», уточняя, что их брали при рытье рва, в то время как верхний горизонт (включавший значительно больший объем грунта) описан как состоявший из «суглинка серовато-красного

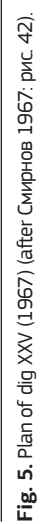
цвета», который назван также «материковым суглинком», причем в нем упоминаются линзы «светлой супеси» (Хованская 1958: 320). К сожалению, никаких внятных пояснений это описание не содержит, так что из него трудно понять происхождение разных грунтов. Если следовать тексту буквально, то получается, что нижний горизонт вала создавался из материкового песка, который брался при рытье рва, но тогда непонятно, откуда взялся еще и «материковый суглинок». Лишь новые работы на валу позволили расшифровать этот ребус. Нижний горизонт насыпи на исследованном в 1946 г. участке, аналогично всем другим исследованным частям вала, создавался из грунтов почвенного горизонта, к которому добавлялись перекрывавшие почву в этом месте отложения культурного слоя. Эти грунты снимались, вероятно, строго по трассе размеченного рва, поэтому объем их был невелик. На следующем этапе, когда создавался верхний горизонт вала, в дело пошел рыжеватый суглинок, который в северной части городища залегает под почвенным супесчаным горизонтом и перекрывает нижележащие песчаные слои. Есть все основания утверждать, что на том участке, который исследовался в 1946 г. (в северо-западной части периметра вала), отложения суглинков были особенно мощные: при описании рва О. С. Хованская прямо упоминает, что его дно, находившееся на 2,2 м ниже окружающей поверхности, было врезано в красный суглинок (Хованская 1958: 320)³. Видимо, пески залегали здесь на гораздо большей глубине и при откапывании рва строители до них просто не дошли. Откуда происходила «светлая супесь», линзы которой фиксировались в верхнем горизонте насыпи вала, пока неясно; возможно, это грунт с осыпавшихся в ходе работ краев рва, т. е. те же грунты почвы и культурного слоя.

План поверхности гребня вала, исследованного в 1946 г. (рис. 6), демонстрирует наличие на нем многочисленных столбовых ям и углистых или же «гумусовых пятен», содержащих мелкие кусочки перегнившего дерева» (Хованская 1958: 320). Столбовые ямы имели глубину до 50 см, но разрезы их не проводились (отсутствует документация), поэтому полностью доверять этим данным невозможно. Самой важной представляется информация о сохранившихся в этих ямах «дубовых столбах» диаметром от 8 до 60 см. Поскольку

в 1946 г. методика определения породы древесины еще не применялась при археологических раскопках (авторы отчета и публикации не упоминают о специалистах, которые делали бы такие определения), ясно, что порода определялась «на глаз», вероятно, исходя из хорошей сохранности древесины. Но как раз вот эта-то хорошая сохранность и заставляет думать, что в действительности тут могли быть обнаружены столбы вовсе не только из дуба, но и из любых иных пород дерева. А значит, речь может идти не о древних укреплениях, а об остатках различных хозяйственных сооружений, возводившихся жителями русского села Болгары на протяжении XVII—XX вв. О наличии слоев этого времени непосредственно рядом с валом упоминается в цитируемой статье, застройка тут показана и на исторических планах села, например, на плане села Болгары 1827 г. (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 200. Оп. 1. Д. 53. Л. 2об.). Валы Болгарского городища всегда использовались тут весьма активно — в них вырывались погребки (их следы видны до сих пор), здесь же могли строиться ветряные мельницы и другие хозяйственные постройки на свайном основании. Еще более вероятно, что по вершине вала проходили ограды ближайших усадеб, отгораживавшие их от рва, которые, несомненно, постоянно поновлялись. Если это так (а хорошая сохранность древесины указывает на это), то все предположения о «стене» поверх вала оказываются несостоятельными. Что касается «гумусовых пятен», то при отсутствии их разрезов, уже невозможно установить, какие из них соответствовали столбам, а какие — нет, так что строить на таком материале гипотезы о стене на гребне вала нет никаких оснований.

Но допустим, что все или хотя бы часть из выявленных столбовых ям относились к XIV в. Тогда возникает вопрос — что же это была за стена, у которой «большие столбы» располагались с интервалом 3—3,5 м, и почему автор публикации говорит о «толщине стены» в 1,6 м (Хованская 1958: 320)? О чем, собственно, идет речь — о стене столбовой конструкции из двух параллельных заплотов? Но на плане гребня вала таких линий не видно — пятна ям располагаются в одну линию или группами, но никак не в 2 параллельных линии. И если ставились 2 параллельных заплота, то чем заполнялось пространство между ними? Если землей, то где хотя бы самые незначительные следы этой земли? Ведь после разрушения заплотов она должна была высыпаться на склоны вала. Если же земли

³ В этой связи заметим, что в южной части городища суглинистый горизонт был маломощным или почти вовсе отсутствовал, из-за чего состав насыпей был совершенно иным.

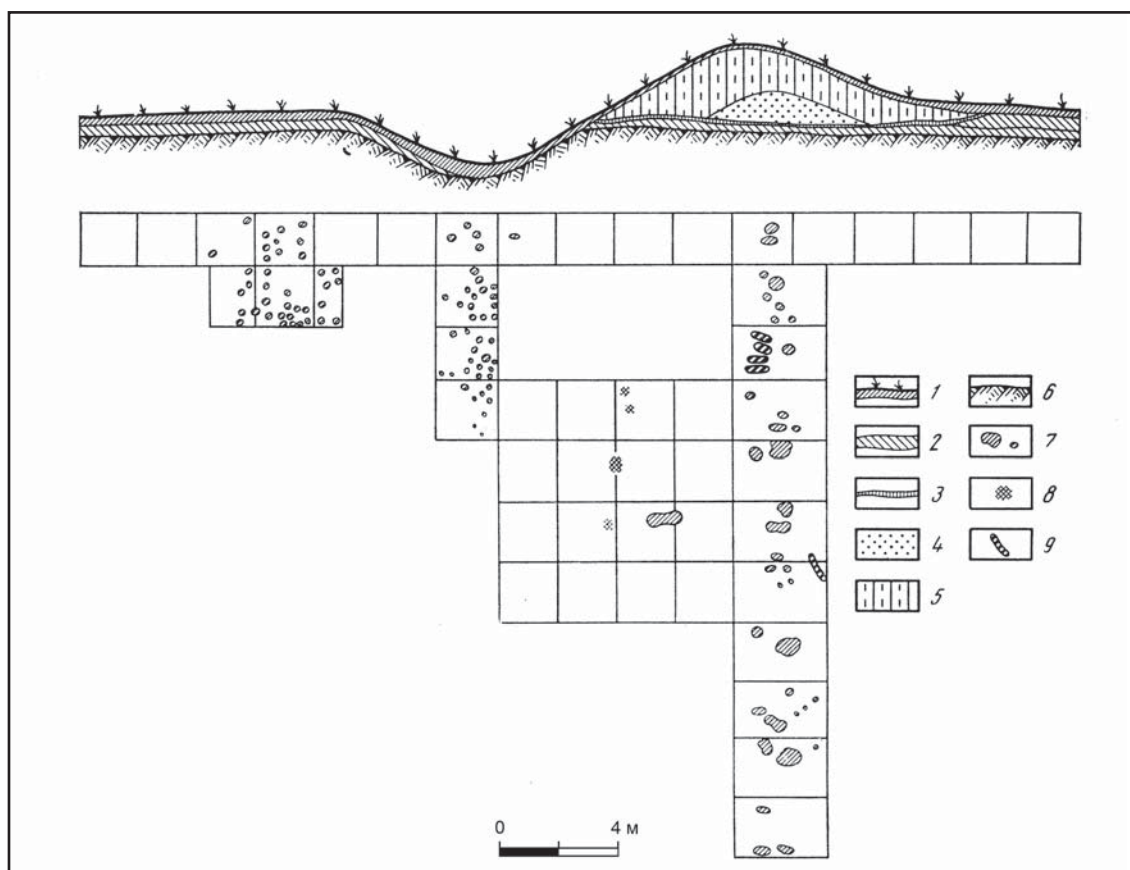

Рис. 6. План раскопа 9 (1946 г.) и разрез вала (по Краснов 1983: рис. 13). Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — слой золотоордынского времени; 3 — погребенная почва; 4 — серый песок; 5 — серая супесь с включениями песка; 6 — материк; 7 — следы столбов; 8 — слабые следы дерева; 9 — обугленное дерево.

Fig. 6. The plan of excavation 9 (1946) and crossection of rampart (after Краснов 1983: рис. 13). Legend: 1 — sod; 2 — layer of Golden Horde time; 3 — buried soil; 4 — gray sand; 5 — gray sandy loam with inclusions of sand; 6 — mainland; 7 — traces of pillars; 8 — weak traces of wood; 9 — charred tree.

между заплотами не было, то зачем вообще могла быть нужна такая стена из двух заплотов?

Создается впечатление, что автор реконструкции не имел какой-то четко сформулированной гипотезы и просто перечислял варианты реконструкций, которые приходили ему в голову при рассматривании довольно хаотично разбросанных ям на гребне вала. Обосновать эти варианты или выделить из них один наиболее вероятный автор явно не мог.

Подведем итог: на участке исследований 1946 г. вполне могли сохраняться следы каких-то древних конструкций, но рядом с ними явно размещались и более поздние перекопы и следы от столбов, вплоть до современных. Если бы автор отчета пронумеровал все открытые ямы, сделал их разрезы и оставил бы хотя бы краткое описание каждой из них, то имелся бы шанс попытаться разобраться с этим массивом и выделить из него группу ям, с наибольшей вероятностью относившихся к эпохе создания вала. Однако эта

информация не была извлечена, и поэтому сегодня шансов для достоверной реконструкции сооружений на гребне вала, прорезанного в 1946 г., не существует.

Ту же самую упущенную возможность приходится констатировать и для столбовых ям, обнаруженных на том же раскопе, но уже на дне рва и на внешнем его краю. Поэтому нельзя всерьез обсуждать домыслы о «надолбах», якобы сооруженных с внешней стороны рва (Хованская 1958: 320). Это могли быть столбы, врытые в новое время жителями русской деревни для каких-то хозяйственных надобностей. Можно лишь добавить, что на южном участке вала (максимально удаленном от села) никаких столбовых ям ни на дне рва, ни на его внешнем краю обнаружено не было (раскоп ССIV 2014 года). А если бы линия «надолбов» создавалась, то ее провели бы, конечно, по всему периметру укреплений.

С глубоким сожалением приходится констатировать, что недостатки отчетной до-

кументации 1946 года повторялись и в материалах раскопок последующих лет — 1953 и 1967 гг. Ни в одном из отчетов, упоминающих (и показывающих на планах) десятки разнообразных ям на гребнях и склонах валов, не приведено ни одного их разреза. И хотя в некоторых случаях приводились цифровые данные о глубине некоторых из них (Хованская 1958: рис. 5; Краснов 1987: рис. 14), полностью доверять таким данным, не подкрепленным графической документацией, невозможно. Учитывая то, что полное вскрытие валов во всех этих случаях не проводилось, глубина ям могла указываться очень приблизительно, а это значит, что ошибки могут достигать значительных величин. Нет даже уверенности в том, что все зафиксированные пятна являются именно следами столбовых ям, а не норами грызунов или следами корневых систем кустов и деревьев. При новейших раскопках следы таких нор и корневых систем зафиксированы были.

На опубликованных чертежах пятна самых крупных (по диаметру и глубине) ям размещаются на гребнях валов в целом бессистемно, и хотя в ряде случаев можно предполагать наличие интервалов от 1 до 6 м, невозможно увидеть какую-то их четкую регулярность. Информация о составе заполнения «ям» из раскопок 1953 и 1967 гг. настолько отрывочна и путана, что ее также нельзя использовать для каких-то надежных реконструкций. Например, говорить о том, что обнаруженные пятна были «заполнены угольками и древесной трухой» (Хованская 1958: 322). Но совместное залегание тех и других сомнительно — если столб сгорел до угля, то рядом не будет сгнившей трухи. Вероятно, в одних пятнах фиксировалась труха, а в других — уголь. Если бы такое разделение было проведено и четко обозначено, можно было бы хотя бы отделить сгоревшие столбы от сгнивших. Между тем, на планах, представленных в публикации О.С. Хованской, все пятна показаны как заполненные углем, что полностью расходится с описаниями (Хованская 1958: рис. 4; 5). Получается, что полностью доверять этим данным нельзя — какая-то их часть явно недостоверна.

Материалы работ Ю.А. Краснова в 1967 г. (они проводились в составе экспедиции А.Н. Смирнова, по Открытому листу руководителя экспедиции) задокументированы столь лаконично, что извлечь из них информацию о следах деревянных конструкций фактически невозможно. Для каждого раскопа сделан только один сводный план (независимо от того, на какую глубину проводилось

вскрытие), отсутствуют профили раскопов и разрезы всех ям. Ямы не пронумерованы, их описание дается суммарно, так что понять, о каких именно ямах ведется речь в тексте отчета, нельзя. Наряду с ямами упоминаются «отпечатки горбылей, плах, столбов», но неясно, имеются ли в виду вертикально расположенные плахи или негативы в горизонтальном положении. Судя по отчетным планам раскопов (рис. 5), встречались обугленные плахи, лежавшие горизонтально или под уклоном, но ни одна из них не описана, не указано ее сечение, размеры, степень сохранности, отметки залегания. Упоминаются также столбы диаметром 20—30 см в нижней части насыпи, причем расположенные бессистемно (Смирнов 1967: 30—37), однако не указано конкретное местоположение таких столбов на плане раскопа. Таким образом, вся та скудная информация, которая представлена в отчетах, лишена конкретики, а значит, не может быть проверена и осмыслена. Поэтому невозможно доверять и предложенным выводам. Однако какие же выводы делали упоминавшиеся выше исследователи?

О.С. Хованская реконструировала фортификацию Болгара XIV века в виде «деревянных стен», однако внятного описания этих гипотетических стен не привела. На графической реконструкции Д.И. Архангельского, помещенной в публикации (Хованская 1958: рис. 3), показана стена, составленная из горизонтальных бревен, вставленных в пазы вертикальных столбов (заплот или «лежащий частокол»). Однако в тексте статьи говорится о стене из «тарас», т.е. срубных секций, заполненных землей. При этом тут же делается допущение того, что стена имела более легкую конструкцию — в виде частокола, укрепленного изнутри врубленными в вертикальные столбы подпорными стенками из горизонтально уложенных бревен — и приводится рисунок такой конструкции по Ф.Ф. Ласковскому (Хованская 1958: рис. 6). Разумеется, каждый из предложенных вариантов должен был оставлять разные следы, но ни один из них никоим образом не соотносится с зафиксированными раскопками реалиями, которые включали только отдельные круглые пятна, часть из которых могла принадлежать столбовым ямам. Ни следов тарас (т.е. срубов с грунтом внутри), ни стоячих частоколов (в виде траншей для их установки) нигде обнаружено не было. Даже стена столбовой конструкции из представленных материалов (см. выше) достоверно не может быть реконструирована. Сле-

довательно, автор публикации произвольно подбирал варианты из набора фортификационных средств XVII—XVIII вв., не задумываясь о том, как их увязать с выявленными следами столбов (да и столбов ли?).

Между тем, были предложены гипотетические размеры «тарас» — $3 \times 1,6$ м. Откуда взяты эти цифры? Ширина «стен» в 1,6 м определена по среднему расстоянию между «рядами» столбовых ям (вернее — между крайними пятнами в поле пятен на гребне вала), а длина «тарас» (3 м) — по расстоянию между какими-то (нигде не указано, какими именно) ямками вдоль по гребню вала. Но даже если бы эти промеры были четко документированы, никакой связи их с «тарасами» установить невозможно, поскольку тарасы — это срубные конструкции, для которых столбы не нужны. Возможно, именно для того, чтобы как-то объяснить этот логический нонсенс, О.С. Хованской было высказано предположение об использовании столбов в качестве «основы» рубленной стены, а также для «укрепления» насыпи. Можно предполагать, что эта мысль была навеяна информацией о том, что под основания каменных фундаментов в древнерусской архитектурной традиции (да и не только в ней) часто использовались свайные поля из забитых в материковый грунт деревянных кольев⁴. Для насыпных валов известий о подобной технологии не имеется (ни для древности, ни для нового времени): если требовалось возвести на них древо-земляную стену, то ее заглубляли в насыпь (как заглубляют в грунт фундамент). Укрепить же насыпь сваями вообще невозможно, что известно любому строителю. Прочность насыпи определяется плотностью грунтов, из которых она сложена, а стабилизация ее поверхности — обдерновкой или обкладкой иными материалами (камнем, деревом). Таким образом, гипотеза о столбах на валу, как основе деревянной стены, не выглядит хоть сколько-нибудь обоснованной, хотя, конечно, и не может полностью отвергаться — нельзя исключать того, что в Болгаре была применена какая-то особая (экспериментальная) технология подведения базы под деревянные конструкции, следов от которых не сохранилось вовсе. Однако эта гипотеза чисто умозрительна и не может быть чем-либо подтверждена. Поэтому гораз-

до более вероятным выглядит предположение о том, что обнаруженные ямки с остатками сгоревших столбов — это следы легкой ограды (забора или заплота, может быть даже — «лежачего частокола»), который либо поновлялся 1—2 раза (после уничтожавших его пожаров), либо укреплялся дополнительными столбами, целью которых было поддержать подгнившую конструкцию.

Еще хуже обстоит дело с реконструкцией «башен», которые постоянно упоминались О.С. Хованской и Ю.А. Красновым. В ходе работ 1953 г. на раскопах 1 и 1а в северо-восточном углу периметра вала (у подножия плато, близ берега р. Меленки, ныне эта территория затоплена водами Куйбышевского водохранилища) было выявлено скопление из 28 столбовых ям глубиной всего 3—5 см (!!!) (Хованская 1953: 323) на площади около 30 кв. м. В результате был сделан вывод о размещении тут башни «столбовой конструкции» — то ли 12-угольной, то ли 8-угольной (Хованская 1958: 325). Аналогии для такой башни приведены не были, что не удивительно, поскольку их не существует в природе. Деревянные башни нового времени возводились в виде срубов с 4 (и более) стенами, но башни столбовой конструкции не известны. Оно и понятно, поскольку такие башни являлись бы столь непрочными сооружениями, что смысла в их строительстве не было изначально. Тем более, если опорные столбы практически не вкапывались в грунт, а башня просто ставилась бы на поверхность насыпи. Надо, впрочем, заметить, что даже с этими столбами произошла какая-то путаница: О.С. Хованская писала о том, что глубина столбовых ямок составляла 3—5 см, но на плане раскопа приведены глубины 28 ям (Хованская 1953: рис. 5), среди которых имеются такие, глубина которых превышала 1 м (3 шт.). Ямы глубиной от 0,5 до 1,0 м были не столь редки — их 8, размещены они в западной и южной частях «поля пятен» (Хованская 1958: рис. 5). А вот ямок глубиной 3—5 см всего 2 из 28. Как понимать это несоответствие чертежа описанию, неясно. Но даже если поверить чертежу, как более объективному документу, то получится, что глубоко забитые сваи размещались лишь на двух ограниченных участках, причем наряду со сваями, которые могли бы входить в конструкцию стен гипотетической башни, имеется гораздо большее количество столбов, помещенных зачем-то внутри объема постройки. Эти столбы ничего не могли поддерживать. Резюмируем: предложенная реконструкция не имеет даже намека на связь с реальными археологи-

⁴ Позднее и Ю.А. Краснов указывал в качестве аналогий для столбов, «укрепляющих вал», на свайные поля под «контрфорсами» (башнеобразными выступами) стен Соборной мечети Болгара (Краснов 1987: 114).

чески зафиксированными объектами, т. е. базируется лишь на фантазии ее автора.

Наличие деревянных башен в составе городских фортификаций лесной зоны Восточной Европы до массового распространения, с одной стороны — каменного крепостного строительства, а с другой — огнестрельного оружия, вообще не доказано. На сегодняшний день имеется лишь 2 тщательно исследованных объекта такого рода — въездное устройство в древо-земляной стене городища Сампсониев остров и башня (?) на городище Снепород (Моргунов 2009: 127, 130—132, рис. 61; 64; 66).

О. С. Хованской и Ю. А. Красновым не сделано даже слабой попытки обосновать смысл возведения полых башен столбовой (да и всякой иной) конструкции в XIV веке. Напомним, что в данном случае речь может идти только о полых башнях, поскольку никаких следов заполнения башен грунтом нигде на городище не прослежено. Хотя во второй половине XIV в. артиллерия уже появилась, и ее применение в Болгаре как будто бы подтверждается письменными источниками, невозможно допускать столь массового ее распространения, чтобы для ее размещения были бы нужны башни, тем более столбовой конструкции, т. е. по прочности близкие к «карточному домику». Если бы подобные конструкции действительно существовали в древности, они могли бы служить только для размещения на них небольшого числа воинов, вооруженных луком и стрелами, а также в качестве наблюдательных пунктов. В целом такой вариант реконструкции объектов столбовой конструкции в виде «вышек-стрельниц» был бы достижимым, если бы имелось достаточное количество зафиксированных следов столбов (имеются в виду ямы от столбов большой глубины заложения, которые могли бы выдерживать вес столь тяжелой конструкции). Увы, таких следов слишком мало. Но даже если допустить возможность реального существования таких конструкций, называть их «башнями» методически недопустимо.

Следами каких конструкций являлись «свайные поля», обнаруженные О. С. Хованской в 1953 г., остается неразрешимой загадкой, причина которой состоит в практически полном отсутствии качественной фиксации этих объектов. Однако следует напомнить, что размещались эти следы деревянных конструкций на территории русского села XVII—XX вв., на берегу р. Меленки. Тут вполне могли находиться разнообразные хозяйственные объекты этого села. Именно им, скорее всего, и принадлежали открытые сле-

ды древесины, залегающие практически сразу под дерном.

Ю. А. Краснов реконструировал фортификацию Болгара в том же ключе, что и О. С. Хованская, — в виде деревянных стен «столбовой конструкции» из двух параллельных заплотов (расстояние между ними определено в 1,5—1,6 м), столбы в которых размещались с неравными интервалами (от 2 до 4 м). При этом он опирался на данные о крепостном строительстве XVI—XVII вв. (т. е. времени широкого распространения огнестрельного оружия) и называл предлагающуюся им реконструкцию стены «тарасами», признавая, впрочем, что такие «тарасы» столбовой конструкции на Руси известны не были. Для того, чтобы объяснить отсутствие следов грунта, который должен был бы заполнять внутренний объем таких «тарас», он ссылаясь на одно замечание П. А. Раппопорта, опиравшееся, в свою очередь, на запись шведского дипломата и инженера Э. Пальмквиста о том, что в городе Торжке во второй половине XVII в. стены были полыми и их предполагали засыпать землей только в случае наступления опасности (Краснов 1983: 117; Раппопорт 1961: 139). Мысль, безусловно, оригинальная. Но в сущности, она может означать только то, что стена Болгара (в том виде, как ее рисовал автор) была попросту недостроена, не доведена до боевой готовности. Представляется, что это одно из продуктивных решений обозначенной проблемы.

Ю. А. Краснов повторил гипотезу О. С. Хованской о многоугольных башнях «столбовой конструкции», но при этом «развил» ее более чем странным дополнением: по его мнению, такие башни выступали за линию обороны, но не во внешнюю, а во внутреннюю сторону, что противоречит правилам какой бы то ни было фортификации. Основанием для такой экстравагантной мысли стали участки вала, имевшие небольшие расширения внутрь площадки. Места, где были замечены такие «расширения», почти не отличаются от остальной трассы и вполне могли возникнуть из-за поздних повреждений насыпи вала. Исследования проводились лишь на двух таких «расширениях» — на раскопах XX и XXV в 1967 г. На плане раскопа XX (Краснов 1983: рис. 14) в месте «расширения» можно наблюдать 8—9 протяженных (длиной до 7 м) рядов столбов или горбылей неизвестной (но, вероятно, очень небольшой) глубины заложения в насыпь вала и еще 6—7 коротких рядов (по 1—3 м) таких же отпечатков. Все эти ряды не складываются ни в какую систему и размещались

во внутреннем объеме реконструированных контуров «башни», а значит, они никоим образом не могли служить опорой для ее стен. Вскрытые на раскопе XX остатки конструкций чрезвычайно интересны и пока не могут быть убедительно интерпретированы. Но при прочих равных условиях фортификационное назначение этих конструкций кажется наименее вероятным. Скорее всего, на этом месте несколько раз возобновлялась, передвигаясь с места на место, какая-то легкая ограда наподобие забора из вертикальных горбылей, служившего для каких-то хозяйственных целей в период, когда вал уже утратил свое оборонное значение, например, в XVIII—XIX вв., когда в окрестностях русского села Болгары шла интенсивная хозяйственная жизнь.

Еще более странным выглядит «расширение» вала на участке раскопа XXV (рис. 5). Тут никакого реального расширения не видно вовсе, но зато на глубине 30 см от современной поверхности гребня вала фиксировались многочисленные обширные углистые пятна толщиной 5—15 см и столбовые ямы. В какую бы то ни было ясно читаемую конструкцию они не складывались, а представленная на чертеже Ю. А. Краснова восьмиугольная фигура явно относится к числу фантамов, поскольку на ее углах размещались ямки глубиной всего 25—30 см. Даже с учетом перекрывавшего грунта мощностью 30 см и допущением того, что древний гребень вала располагался еще выше, эти столбы могли быть впущены на глубину не более 60—80 см, что недостаточно для обеспечения прочности «башни», поперечник которой виделся реконструктору в пределах 10 м. При этом обращают на себя внимание 6—7 параллельных рядов углублений как из круглых столбовых ямок, так из отпечатков горбылей (глубина негативов 10—15 см), что почти повторяет ситуацию на раскопе XX. Увы, ни для одного из углублений не приведено разрезов, а глубины указаны не для всех ям или пятен. Таким образом, никаких следов «башни» тут усмотреть тоже невозможно, зато имеются остатки какого-то сложного сооружения (сооружений?), оставившего обширное свайное поле.

Рассмотренные выше реконструкции фортификации Болгара XIV века, как было показано, опирались главным образом на домыслы, не имеющие никакой опоры в источниках, и произвольное манипулирование аналогиями из русской фортификации нового времени. Все это не позволяет доверять **всем** выводам исследователей фортификации Болгара, в том

числе и выводу об отсутствии в валах XIV в. следов деревянных конструкций (городней), которые в древнерусской фортификации маркируют следы древо-земляных стен, руинами которых и являются «валы» русских крепостей XI—XV вв. Отсутствие фиксации планов раскопов на всех вскрывавшихся уровнях позволяло допускать возможность того, что следы городней были просто не замечены при раскопках.

Поэтому с целью проверки выводов предшествовавших исследователей в 2014—2015 гг. сотрудниками Института археологии РАН (в составе Болгарской экспедиции Института археологии АН РТ) были проведены 2 прорезки в южной части вала Болгарского городища (Коваль, Русаков 2016: 118—120), где он сохранился в наилучшей степени и имел высоту до 3—4 м. В 2015 г. раскоп был заложен на южном углу вала, где он делал поворот под углом 130°, т. е. именно там, где по правилам позднесредневековой (каменной и деревянной) фортификации должна была бы располагаться угловая башня.

Методика работ предусматривала вскрытие вала пластинами толщиной 10 см в траншеях шириной 6—8 м (рис. 7), причем, кроме поперечных профилей, снимался также продольный разрез по линии гребня вала. Полученная документация (несколько десятков планов, 2 продольных и 5 полных поперечных разрезов вала, в т. ч. 2 — вместе со рвом) позволяет констатировать следующее:

Никакой башни на поворотной точке вала никогда не существовало, отсутствуют всякие ее следы.

Сам вал полностью лишен каких-либо внутренних конструкций из материалов, отличающихся от грунта (дерево, камень, глина и т. п.). Таким образом, вал Болгара XIV в. не являлся остатками древо-земляной стены, а представлял собой полностью законченную **насыпь**.

Сохранность насыпи можно оценить как «очень хорошую»: в ров сползло минимальное количество грунта — толщина прослойки оползшего грунта на дне рва не превышала 40—50 см, на его склонах — около 30 см. Вероятно, насыпь целенаправленно уплотнялась (трамбовкой или проливкой водой) в ходе стройки.

На поверхности насыпи отсутствовали следы каких-либо деревянных фортификационных сооружений, в т. ч. столбовой конструкции. Выявленные же столбовые ямы имели небольшую глубину (как правило, 10—30 см) и располагались бессистемно.

Рис. 7. Прорезки вала 2014—2015 гг.: 1 — на раскопе ССV (2014 г.); 2 — на раскопе ССVI (2015 г.), первый этап работ на внутреннем склоне вала.

Fig. 7. Cuttings of the rampart in 2014—2015: 1 — at the excavation ССV (2014); 2 — at the excavation ССVI (2015), the first stage of work on the inner slope of the rampart.

но, в т.ч. на склонах вала. Наряду со следами столбов встречены норы грызунов, следы мощных корней от когда-то произраставших на валу деревьев и следы от корневых систем кустарников. Количество этих псевдо-ям (оставивших следы в виде гумусированных пятен на поверхности вала) довольно значительно (по 2—3 на каждом из исследованных участков). На гребне вала размещались лишь несколько неглубоких ямок, интервал между которыми составлял 6—10 м. Такие ямы могли принадлежать лишь очень легкой ограде типа «забора».

Таким образом, установлено, что в XIV в. город Болгар был окружен насыпным валом высотой до 4 м и протяженностью не менее 6 км, грунт для которого брался из рва, выкопанного перед ним. В южной части вала на его гребне не сохранилось никаких явных следов вертикальных преград, которые можно было бы расценивать как оборонительные сооружения из иного материала, нежели земля. Что касается северных участков вала, то на них вполне могли размещаться какие-то деревянные конструкции, опиравшиеся на вкопанные в гребне вала столбы, однако детали этих конструкций по-прежнему неясны. В любом случае, такие конструкции могли выполнять лишь функции легкого забора, за которым защитники могли укрываться от стрел противника, но которые не были рассчитаны на стенобитные орудия. Ограды такого рода исключают возможность возведения каких бы то ни было «башен».

Фортификация Болгара XIV в. демонстрирует яркое и резкое отличие от древнерусской фортификации. Использование вала вокруг города (даже в случае наличия легких деревянных оград по его вершине) предполагало лишь организацию обороны от внезапных набегов небольших конных отрядов, для которых вал со рвом представляли труднопреодолимое препятствие. Для противодействия войскам, обученным штурму и даже простой осаде крепостей, подобная фортификация не пригодна. Ответ на вопрос о происхождении подобной оборонительной системы следует искать в традициях домонгольской фортификации городов Волжской Булгарии, и прежде всего — Биляра.

Между тем, хорошо документированных материалов раскопок валов в Татарстане и на сопредельных территориях практически нет. В последние годы А. А. Чижевским (Институт археологии АН РТ) были проведены тщательные исследования валов нескольких городищ раннего железного века (середины I тыс. до н.э. — середины I тыс. н.э.),

которые позволили установить, что эти валы также создавались в виде насыпей, не сохранивших никаких остатков венчавших их стен (Чижевский и др. 2016). Выдвигавшиеся же предположения о наличии таких стен в виде частоколов или иных крупных деревянных конструкций не опираются на фактический раскопный материал и чисто умозрительны, так что не вызывают ни малейшего доверия.

Не слишком помогает прояснению вопроса об истоках болгарской фортификации и обращение к материалам Биляра, где валы прорезались несколько раз. Дело в том, что в ходе этих прорезок планы не снимались, а профили траншей, прорезавших вал, оказались малоинформативны, поскольку могут быть интерпретированы весьма произвольно. Анализ археологических материалов Биляра требует специального исследования, но можно уверенно констатировать одно: следы древо-земляных укреплений не были обнаружены и там. Следовательно, валы Биляра, скорее всего, также являются остатками насыпей, аналогичных или близких валу Болгара.

Вероятно, оборонительная система Болгара в XIV в. (да и многих других городов Волжской Булгарии предшествовавшего времени) существенно отличалась от древнерусской: она базировалась не на древо-земляных стенах, копировавших в ином материале каменные стены Византии и Западной Европы, а исходила из совсем иного порядка организации обороны.

Завесу над тайной этой стратегии обороны приоткрывает сохранившееся в русских летописях описание осады и штурма болгарского города Ошель войсками Владимиро-Суздальского княжества под командованием князя Святослава Всеволодовича в 1219 г. При описании укреплений Ошеля упоминается «острог утверждён около града крепок тын дубов, а затем два оплота, и межи ними вал сыпан», а оборона болгар охарактеризована очень своеобразно: «и по тому валу рыщуще из затыня биахуса» (ПСРЛ 1965: 83; ПСРЛ 1836: 127).

Из этих очень кратких и очевидно путаных фраз, записанных, вероятно, монастырским книжником, который не был очевидцем событий и плохо представлял себе ход военных действий, можно все же извлечь некоторые чрезвычайно важные сведения:

Город был окружен частоколом («тыном»), который располагался либо на вершине вала, либо проходил перед ним.

Кроме частокола упоминается еще «два оплота», между которыми насыпан вал.

Эта фраза довольно темна для понимания, но все же вряд ли под этими «оплотами» следует понимать стену с земляным заполнением или облицованный деревом вал. Если бы русские воины увидели бы нечто подобное, то они приняли бы такую конструкцию за хорошо знакомые им стены русских городов из рядов городней. Однако информаторы летописца явно понимали, что перед ними совершенно иная фортификация, и даже не пытались «адаптировать» ее описание под русские реалии. Вероятно, они наблюдали вал и поверх него некий «оплот», под которым надо понимать не частокол (тогда бы его называли «тыном»), а скорее забор («лежачий частокол», заплот), венчавший вал. Не совсем понятна в таком случае фраза о том, что булгары отбивались из «затынья», т.е. скрываясь за частоколом. Но если оборонительная линия Ошеля включала как тын перед валом, так и заплот (забор?) на гребне вала, то тогда это противоречие снимается. Не исключен и иной вариант интерпретации летописного известия: «тын» и «оплот» — названия, которыми пользовались два разных информатора, т.е. это фактически синонимы. В этом случае фортификацию Ошеля можно представить в виде трех линий обороны: внешнего тына (он же первый «оплот»), вала без каких-либо дополнительных сооружений по верху и внутренней линии тына. Может быть, информаторы несколько по-разному описали фортификацию этого города, что ввело в заблуждение летописца, постаравшегося отразить в тексте оба описания, соединив их вместе. К этим фортификациям следует еще добавить ров, не упомянутый летописцем, но неизбежно существовавший, поскольку грунт для насыпи вала мог быть взят только из него. Нельзя исключать и того, что называя «вал», летописец мог понимать под ним одновременно и ров (исходя из логического посыла, что вала без рва не бывает).

Самая интересная и важная информация касается тактики булгар, «рыскавших» по валу и оттуда («из затынья») бившихся, т.е., вероятно, пускавших тучи стрел на атаковавшие укрепления русские полки. «Рыскать» пешему воину вряд ли возможно, скорее, это слово приложимо к конным группам воинов. Следовательно, оборона Ошеля строилась на мобильном перемещении воинов-всадников вдоль кольца валов (и тына, где бы он ни находился) с целью оказать сопротивление на каждом участке, где возникала угроза вражеского прорыва.

Если предложенная выше интерпретация летописных записей верна, то становится

ясно, чем болгарская стратегия обороны городов отличалась от русской. Вероятно, в основе этой стратегии лежала земляная преграда (вал), на гребне которого размещались легкие ограды для лучников, подавлявших атаки вражеской конницы, не способной сходу преодолеть ров и вал. Вал с забором и ров перед ним мог дополняться еще тыном, как передовой линией обороны. Сердцевину же оборонительной стратегии булгар составляли конные отряды, передвигавшиеся вдоль валов внутри огражденной ими территории, которые могли почти мгновенно прибыть к наиболее угрожающим участкам и нанести ответный удар по противнику, если ему удалось бы преодолеть вал. Иначе говоря, вал выполнял роль не главной линии обороны, а только препятствия, не дававшего наступающим развернуть конную лаву. В этом случае вдоль вала изнутри должно было оставаться обширное незастроенное пространство, по которому могли бы свободно передвигаться крупные конные отряды. Не этим ли объясняется огромная территория, обнесенная валами, в болгарских городах? Существенно (если не многократно) превышая площадь городской застройки, эта пустая (незаселенная) территория оказывалась не только резервом для размещения скота и окрестного населения, но прежде всего — плацдармом для организации обороны конными отрядами.

Разумеется, без удержания всего периметра валов под контролем такая оборонительная стратегия не могла рассчитывать на успех. Но при столкновениях с противником, ударная мощь которого заключалась в конной лаве, и при отсутствии опыта в штурме и уничтожении укреплений на валах такая стратегия, вероятно, оказывалась вполне эффективной. В этом убеждает идентичность фортификации крупнейших городов домонгольской Волжской Булгарии — Биляра, Сувары, Джукетау. Лишь при столкновении с чрезмерно многочисленным противником (монголы в 1236 г.) или с войсками, имевшими опыт штурма укреплений (русские в Ошеле в 1219 г.), эта система давала сбой. Пример 1219 г. весьма показателен: русским не составило труда подсесть топорами, а затем поджечь тын и оплоты на валах, что вызвало бегство их защитников и мгновенный захват города.

В Болгаре середины XIV века была воспроизведена явно устаревшая и уже показавшая свою неэффективность оборонительная система. Почему была избрана именно она, сказать сейчас сложно. Трудно сомневаться в том, что в городе тогда имелись специалисты, способные возвести вокруг него

древо-земляные и даже каменные (или кирпичные) стены. Может быть, строительство вала показалось не столь финансово затрат-

ным по сравнению с названными вариантами? К сожалению, точный ответ на этот вопрос вряд ли удастся когда-нибудь получить.

Литература

- Баранов В.С., Губайдуллин А.М. 2016. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году. *ПА* (2), 193—218.
- Губайдуллин А.М. 1998. Фортификационные сооружения Болгарского городища. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: ГЭ; ИИМК, 197—198.
- Губайдуллин А.М. 2002. *Фортификация городищ Волжской Булгарии*. Казань: ИИ АН РТ.
- Губайдуллин А.М. 2015. Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X—XVI веков Среднего Поволжья. *ПА* (3), 125—143.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е. 2016. О фортификации Болгарского городища в XIV в. В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum Plus, 118—120.
- Краснов Ю.А. 1987. Оборонительные сооружения города Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 99—123.
- Моргунов Ю.Ю. 2009. *Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII веков*. Москва: Наука.
- Раппопорт П.А. 1961. *Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.* МИА 105. Москва: Наука.
- Смирнов А.Н. 1967. *Отчет Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции 1967 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №3480.
- Хованская О.С. 1958. Оборонительная система города Болгара. *МИА* 61, 316—329.
- Чижевский и др. 2016: Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кованова М.Д., Алешинская А.С. 2016. *Скорняковское городище на Вятке*. Археология евразийских степей 22. Казань: ИА АН РТ.

References

- Baranov, V.S., Gubaidullin, A.M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 193—218 (in Russian).
- Gubaidullin, A.M. 1998. In Masson, V.M. (ed.). *Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Warfare from Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 197—198 (in Russian).
- Gubaidullin, A.M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of Forts in the Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Gubaidullin, A.M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 125—143 (in Russian).
- Koval', V. Yu., Rusakov, P.E. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 118—120 (in Russian).
- Krasnov, Yu.A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99—123 (in Russian).
- Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Derevozemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X—XIII vekov (Earth-Wooden Fortifications of Southern Rus in 10th—13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rappoport, P.A. 1961. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi X—XV vv. (Essays on History of Military Architecture in Northeast and Northwest Russia during the 10th—15th Centuries)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 105. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Smimov, A.N. 1967. *Otchet Bolgarskogo otriada Povolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1967 g. (Report of the Bolgar Team, Volga Archaeological Expedition, for 1967)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 3480 (in Russian).
- Khovanskaia, O.S. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 61, 316—329 (in Russian).
- Chizhevskii, A.A., Chernykh, E.M., Khisiamedtinova, A.A., Mitriakov, A.E., Spiridonova, E.A., Kovanova, M.D., Aleshinskaia, A.S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skornyaki Fortified Site near the Viatka River)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 22. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Список сокращений

ААМ КГУ	— Архив Археологического музея Казанского государственного университета. Казань.
АВЕС	— Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АГПА	— Армавирская государственная педагогическая академия. Армавир.
АГПИ	— Армавирский государственный педагогический институт. Армавир.
АГПИ	— Астраханский государственный педагогический институт. Астрахань.
АГПУ	— Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
АГУ	— Актобинский региональный государственный университет имени К. Жубанова. Актобе.
АГУ	— Астраханский государственный университет. Астрахань.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АИК	— Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков.
АКМ	— Армавирский краеведческий музей. Армавир.
АлГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АмГУ	— Амурский государственный университет. Благовещенск.
АН	— Академия наук.
АН КазССР	— Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата.
АН РБ	— Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Москва.
АН ЧР	— Академия наук Чеченской республики. Грозный.
АНИИЭЯЛИ	— Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. Майкоп.
АНСК	— Археологическое наследие Саратовского края. Саратов.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БашГПИУ	— Башкирский государственный педагогический университет. Уфа.
БГИАМЗ	— Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Болгар.
БГУ	— Бурятский государственный университет. Улан-Удэ.
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
БНЦ УрО АН СССР	— Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР. Уфа.
БФ СО АН СССР	— Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР. Улан-Удэ.
БФАН СССР	— Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
ВА	— Вестник антропологии. Москва.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАГС	— Волгоградский филиал Академии государственной службы. Волгоград.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГПУ	— Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГПИ	— Волгоградский государственный педагогический институт. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВСКИ	— Вопросы северокавказской истории. Армавир.
ВУАК	— Воронежская ученая архивная комиссия.
ВУАЭ	— Волго-Уральская археологическая экспедиция АН СССР.
ВФ РАНХиГС	— Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Волгоград.
ГАГУ	— Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГАСК	— Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области. Саратов.
ГВИПМЗ	— Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ / ГМИНВ	— Государственный музей искусств народов Востока. Москва.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГУП	— Государственное унитарное предприятие.

ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Биляра. Казань.
ДВНЦ АН СССР	— Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. Владивосток.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток.
ДГУ / ДонГУ	— Донецкий государственный университет. Донецк.
ДнГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК / ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕНУ	— Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана.
ЗабГУ	— Забайкальский государственный университет. Чита.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗИАН	— Записки Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ЗКАЭ	— Западно-Казахстанская археологическая экспедиция.
ЗКМ	— Зимовниковский краеведческий музей. Зимовники.
ЗНУ	— Запорожский национальный университет. Запорожье.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА КН МОН РК	— Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИД	— Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК	— Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ИАИ	— Известия Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИГ СО РАН	— Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук. Иркутск.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИАЭ ДВО РАН	— Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИФФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск.
ИМБТ СО РАН	— Институт буддологии, тибетологии и монголоведения Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
ИМФ АН СССР	— Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. Кишинев.
ИНК	— Историческое наследие Крыма. Симферополь.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИФЖ	— Историко-филологический журнал. Ереван.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Москва.
ИЯЛИ КНЦ РАН	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, Казанский научный центр Российской Академии наук. Казань.
ИЯЛИ КФАН СССР	— Институт языка, литературы и истории, Казанский филиал Академии наук СССР. Казань.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІМФЕ	— Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського Національної Академії наук України. Київ.
КалмГУ	— Калмыцкий государственный университет. Элиста.
КАЭ	— Кавказская археологическая экспедиция.
КАЭЭ	— Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КБИГИ	— Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Нальчик.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар.
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт. Куйбышев.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
КГУКИ	— Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар.
КИУ	— Казанский Императорский университет. Казань.

ККАЭЭ	— Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск.
КНИИ ИФЭ	— Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики. Элиста.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСКДА	— Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КузГТУ	— Кузбасский государственный технический университет. Кемерово.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Москва.
МАО	— Императорское Московское археологическое общество. Москва.
МарГУ	— Марийский государственный университет. Йошкар-Ола.
МарНИИЯЛИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МАРХИ	— Московский архитектурный институт. Москва.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГИКЗ	— Мангистауский государственный историко-культурный заповедник. Актау.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАП	— Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МИИKN СК	— Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва; Ленинград.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд.
МНК	— Международная нумизматическая конференция.
МНПК	— Международная научно-практическая конференция.
МОН РК РК	— Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана / Нур-Султан.
МЮКАЭ	— Материалы Южно-крымской археологической экспедиции. Санкт-Петербург; Симферополь.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК	— Научный архив Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
НА НЗХТ	— Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИГН	— Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск.
НИИЯЛИ ЯАССР	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР. Якутск.
НМ РТ	— Национальный музей Республики Татарстан. Казань.
ННГУ	— Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород.
НОА ИА РАН	— Научно-отраслевой архив Института археологии Российской Академии наук. Москва.
НФ МА РТ	— Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан. Казань.
НЭ / НиЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОмГПУ	— Омский государственный педагогический университет. Омск.
ОмГУ	— Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАЭ ИА АН СССР	— Поволжская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР.
ПАЭ МарГУ	— Поволжская археологическая экспедиция Марийского государственного университета.
ПГГПУ	— Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Пермь.
ПГПУ	— Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. Пенза.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РГУ	— Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону.
РИО	— редакционно-издательский отдел.
РМСАЭ	— Российско-монгольская совместная археологическая экспедиция.

РО НА ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
РЦСЭ МЮ РФ	— региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СамГПУ	— Самарский государственный педагогический университет. Самара.
СВ	— Средние века. Москва.
СВКНИИ ДВО РАН	— Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Магадан.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
СЕЭС	— Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
СКФУ	— Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Москва; Санкт-Петербург / Ленинград.
СМОПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СО	— Сибирское отделение.
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск.
СОИМК	— Самарский областной историко-краеведческий музей. Самара.
СОМК / СМК	— Саратовский областной музей краеведения. Саратов.
СОРГО	— Сибирский отдел Русского географического общества. Иркутск.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАК	— Саратовская [губернская] учёная архивная комиссия. Саратов.
СФУ	— Сибирский федеральный университет. Красноярск.
ТашГУ	— Ташкентский государственный университет. Ташкент.
ТБАЭ	— Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва.
ТКГПИ	— Труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев.
ТОКМ	— Тамбовский областной краеведческий музей. Тамбов.
ТомГУ	— Томский государственный университет. Томск.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТувГУ	— Тувинский государственный университет. Кызыл.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УдНИИ	— Удмуртский научно-исследовательский институт. Ижевск.
УЗ ХакНИИЯЛИ	— Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан.
УзЧНИИ	— Учёные записки Чувашского научно-исследовательского института. Чебоксары.
УИИЯЛ УрО РАН	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск.
УТОПК	— Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФБУ	— Федеральное бюджетное учреждение.
ХакНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХАЭЭ АН СССР	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР.
ЦАИ АГПА	— Центр археологических исследований Армавирской государственной педагогической академии. Армавир.
ЦАИ АГПИ	— Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического института. Армавир.
ЧГИГН	— Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.
ЧГКМ	— Челябинский государственный краеведческий музей. Челябинск.
ЧГУ	— Чеченский государственный университет. Грозный.
ЧГУ	— Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. Чебоксары.
ЧИНИИСФ	— Чечено-Ингушский государственный научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Грозный.
ЭКМ	— Энгельсский краеведческий музей. Энгельс.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
BHAMR	— Bolgar Historical and Architectural Museum-Reserve. Bolgar.
IEA RAS	— Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. Moscow.
IPOS / IPND SB RAS	— Institute for Problems of Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Tyumen.
NM RT	— National Museum of the Republic of Tatarstan. Kazan.
RAS	— Russian Academy of Sciences. Moscow.
RMN	— Réunion des musées nationaux. Paris.
SMOA	— The State Museum of Oriental Art. Moscow.

Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов

(17 июля 1931 — 23 апреля 2000)

Российский историк и археолог, специалист по археологии, истории, нумизматике Золотой Орды и средневековой Восточной Европы, один из основателей и руководитель Поволжской археологической экспедиции. Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, член-корреспондент Германского археологического общества с 1983 года, действительный член РАЕН, лауреат Ломоносовской премии I степени (1998 г.), координатор секции археологии Экспертного совета по истории, археологии, этнографии Российского гуманитарного научного фонда

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

9 789975 319881 >